

За последние несколько дней все гражданские и военные чиновники только и были заняты тем, что обсуждали падение Юнляна. Генерал У в очередной раз предложил себя на пост командующего армией, даже У Гогун, которому было почти восемьдесят лет, встал, чтобы вызваться добровольцем.

Эти двое были полны боевого духа, достаточного, чтобы смести все препятствия* и стоять насмерть**. Сяо Цзе был заражен их настроением, но не осмеливался принять решение без разрешения. Он обернулся и несмело обратился к вдовствующей императрице Вэнь, сидевшей за занавесом из бисера: «Императрица-мать, что вы думаете...»

[Примечание: Немного поэтичного китайского. *□□□□. Продираться сквозь заросли терновника и срубить колючие кусты, образно: преодолевая препятствия, прокладывая путь, расчистить дорогу. **□□□□. Разбить котлы, потопить лодки образно, стоять насмерть, отрезать себе путь к отступлению, сжечь мосты, не отступать, не сдаваться.]

О чем многие министры никогда бы не догадались, так это о том, что за этим занавесом из бисера, помимо вдовствующей императрицы, стоял еще один человек. Присутствующий там человек был одет в официальную форму чиновника пятого класса. Это был не кто иной, как доверенное лицо императрицы и любимый императором лекарь Линь Цинъю.

Вдовствующая императрица Вэнь покачала задумчиво головой, ответив: «Генерал У – первый в сражениях на воде, но он никогда не сражался на северо-западе. А У Гогун стар и уже много лет живет в столице, уйдя на покой. Боюсь, что его силы не соответствуют его боевому духу».

У Гогун отказывался сдаваться, настаивая: «Лянь По был могущественным генералом государства Чжао. Он сражался на поле боя, когда ему было далеко за восемьдесят. Мне же даже не исполнилось и восьмидесяти! Я все еще могу сражаться!»

Сяо Цзе беспокойно заерзал на императорском троне, нерешительно промямлив: «Похоже больше никого нет... Ну, кроме генерала Гу».

«Как может быть кто-то еще? На протяжении многих лет генералы Даюй погибали, получали раны или увечья. Многие из них, замешанные в борьбе за трон, были заключены в тюрьму. Среди военного руководства Даюй сейчас не хватает талантов*, мы единственные, кого можно использовать. – Уголки губ генерала У резко дернулись. – Ваше величество, вдовствующая императрица, хотя этот министр никогда не был на северо-западе, все войны по своей сути похожи. Поскольку генерал Гу не желает выдвигаться, позвольте этому министру попытаться возглавить армию на северо-западе».

[Примечание: □□□□. Зелёное (новый урожай) и жёлтое (старые хлеба) не сходятся. Красиво звучит. Образно, не сводить концы с концами; нужда, черный день; возрастной разрыв, отсутствие смены, отсутствие преемственности.]

Нетрудно было заметить, что, когда генерал У упомянул «генерала Гу», его тон уже не был таким почтительным, как раньше. В прошлом году, когда покойный император хотел, чтобы Гу

Фучжоу вернулся на северо-запад, чтобы заменить командующего тогда армией Чжао Минвэя, Гу Фучжоу отказался, сославшись на последствия отравления в качестве уважительной причины. В то время и генерал У, и генерал У Гогун поддержали Гу Фучжоу в его решении.

Однако на этот раз все было не так, как в прошлом. Ситуация на северо-западе была отчаянной. Чжао Минвэй погиб и был унижен после смерти. Западное Ся зашли так далеко в своем бесчестии, что отрезали уже мертвому ему язык отослали в столицу Даюй. Их действия являлись явной провокацией. В это время любой, кто называл бы себя генералом Даюй, пока он еще дышал, без колебаний должен был отправиться на поле боя. Но Гу Фучжоу оставался таким же, как и в прошлом году: сославшись на плохое самочувствие, он закрыл двери своей резиденции для всех посетителей и даже отказался присутствовать на утреннем суде.

Генерал Гу... подвел их всех.

Вдовствующая императрица заколебалась, потом вопросительно посмотрела на Линь Цинюя: «Императорский лекарь Линь, что ты думаешь об этом?»

Линь Цинюй собирался уже заговорить, когда Сяо Сунцзы поспешил к ним за занавес, войдя через боковую дверь, обратившись со словами: «Вдовствующая императрица, императорский лекарь Линь, срочное донесение с северо-запада».

Вдовствующая императрица открыла письмо и быстро пробежалась по его содержанию. На ее лице появилась крайне уродливая гримаса.

«Столица Западного Ся объявила войну, поклявшись отомстить за принца Западного Ся, который погиб в битве при Юнляне десять лет назад. В письме говорится, что они требуют, чтобы Даюй отправил Гу Фучжоу на северо-запад. Они хотят справедливо и благородно убить его в честном бою. В противном случае через месяц армия Западного Ся истребит всех жителей города Юнлян».

Десять лет назад бывший наследный принц Западного Ся был убит генералом Гу копьем Цинъюнь Цзючжоу.

Линь Цинюй взял письмо в руки, которое, казалось, с каждой секундой становилось все тяжелее и тяжелее. Он ничего не сказал. Его лицо приобрело ужасающе мрачный вид.

Наконец вдовствующая императрица решила обратиться к нему снова: «Императорский лекарь Линь... - она на мгновение заколебалась, а затем добавила: - Цинюй?»

Линь Цинюй на это лишь хмыкнул в ответ. Спустя какое-то время он очнулся от тяжелых дум, осознав, что все еще находится в утреннем суде.

«У этого суда нет другого генерала, кроме генерала Гу, который обладает достаточными

знаниями и навыками, чтобы возглавить армию на северо-западе. Более того, если он не уйдет, неужели этот суд оставит десятки и тысячи людей в Юнляне? – вдовствующая императрица тяжело вздохнула: – Когда гнездо опрокинуто, ни одно яйцо не останется целым. Сегодня Западное Ся вырежет Юнлян, завтра они разграбит столицу».

Линь Цинюй сухо усмехнулся, заметив: «Вдовствующей императрице нет необходимости просвещать этого чиновника, говоря очевидное. Все понимают эту истину».

Вдовствующая императрица нерешительно произнесла: «Тогда, должны ли мы рассказать министрам об этом?»

Линь Цинюй обнаружил, что больше не может спокойно думать, поэтому, полагаясь только на свою интуицию, ответил: «Мы пока ничего не будем говорить им».

После того как суд был завершен, Сяо Сунцзы нашел Линь Цинюя и сказал: «Императорский лекарь Линь, только что, когда этот слуга доставлял это срочное донесение, он столкнулся с генералом Гу. Генерал уже прочитал донесение».

Линь Цинюй почувствовал, как ему сдавило грудь, с трудом переведя дыхание, он спросил: «Где он сейчас?»

«Генерал сказал, что будет ждать вас в Императорском саду».

Когда Линь Цинюй нашел Гу Фучжоу, тот сидел у пруда, рассеянно кормя рыб. В пруду Императорского сада содержались десятки ярко окрашенных кои, добавляющих ярких красок монотонному зимнему дню.

Гу Фучжоу насыпал горсть корма для рыб, и кои бросились к нему наперегонки, отталкивая друг друга, каждый пытался первым забрать угощение. Увидев в водной глади отражение вставшего позади него Линь Цинюя, Гу Фучжоу заговорил, обращаясь к нему: «Посмотри на этих рыб в пруду. Они родились во дворце. Их так хорошо кормят, что они разжирили. Они никогда не испытывают недостатка в еде, так почему же тогда они упорно сражаются за нее?»

На что Линь Цинюй спокойно ответил: «Потому что жадности нет предела».

Гу Фучжоу согласился с ним: «В этом есть смысл».

Теперь настал очередь Линь Цинюй задавать вопросы: «Раз уж ты здесь, почему ты не пришел на утренний суд?»

Гу Фучжоу выбросил остатки рыбного корма в пруд и беззаботно заметил: «Во дворце Цзичэнь для меня нет места, а стоять там просто так слишком утомительно».

«Если бы кто-нибудь услышал сейчас твои слова, то мог бы обвинить тебя в непочтительности по отношению к императору».

Помимо императора, единственным, кто мог сидеть во дворце Цзичэнь, была управляющая двором из-за занавеса вдовствующая императрица.

Гу Фучжоу улыбнулся и шутливо заметил: «Это было бы несправедливым обвинением. Быть императором – утомительная работа, и она меня совершенно не интересует».

Слова Гу Фучжоу звучали действительно забавно. Линь Цинюй хотел было улыбнуться, как обычно, но не смог заставить себя. Вместо этого он неожиданно сменил тему:

«Ты видел сообщение с северо-запада».

Гу Фучжоу утвердительно кивнул и тяжело вздохнул: «Что мне делать, Цинюй? На этот раз, кажется, мне действительно нужно идти».

Слова «не обязательно» застряли в горле Линь Цинюй. Он не смог произнести их вслух.

«В течение последних нескольких дней весь суд только и делал, что критиковал меня. Генерал У отыскал меня вчера. Во власти своих эмоций он прямо указал на меня, яростно отругав за трусость. Это было безумно смешно, – сказав это, Гу Фучжоу на самом деле громко рассмеялся, как будто это было сущей нелепицей. – Хотя я, конечно, и сам виноват в таком к себе отношении, но чтобы так разозлить У Чжэня, для этого нужно хорошенько постараться. Кто-то здесь усердно подливает масла в огонь*».

[Примечание: 添油加醋 / tiānyóu jiācù. Добавлять масло и уксус. Образно, приукрашивать факты, прибавлять для красного словца, искажать действительность, преувеличивать).]

Линь Цинюй пришел к такому же выводу: «Действительно это так».

«Кто бы это ни был, его цель достигнута. Если я не поеду на северо-запад, то постепенно потеряю благосклонность императорского двора. Как эти возмущенные люди смогут служить мне в будущем? Генерал, который не хочет идти на поле боя, ему нет уважения в армии, он не сможет защитить даже собственную жену. – Гу Фучжоу с силой надавил на переносицу, помассировав складку между бровями. – Теперь Западное Ся смеет угрожать расправой над жителями Юнляна... Это так раздражает».

Линь Цинюй молча слушал жалобы Гу Фучжоу, наконец сказав: «Итак, ты хочешь пойти туда».

Гу Фучжоу уныло ответил: «Дело не в том, что я хочу, а в том, что я должен».

Линь Цинюй заметил ровным голосом: «Ты действительно заботаешься о всем народе».

«Потому что ты тоже часть народа, – с горячностью ответил Гу Фучжоу, быстро добавив, твердо убежденный в своих словах: – Защищая их, я защищаю тебя».

Линь Цинюй медленно опустил глаза, прошептал с отчаянием: «Я не хочу твоей защиты, и не хочу, чтобы ты был святым, который заботится о простых людях. Я просто хочу быть с тобой».

Гу Фучжоу терпеливо продолжал объяснять, настаивая: «Сколько людей Западного Ся уничтожил генерал Гу? Очевидно, на этот раз Западное Ся идет именно за мной. Западное Ся должно быть полностью разгромлено. Иначе... я могу избегать их какое-то время, но это не может продолжаться вечно».

Линь Цинюй саркастически заметил: «И ты пытаешься объяснить мне очевидные истины?»

«Я не...»

Линь Цинюй холодно прервал его: «Ты когда-нибудь думал о том, что делать мне, если с тобой случится что-то непоправимое?»

Гу Фучжоу был ошеломлен, услышав этот вопрос.

Голос Линь Цинюя слегка дрожал, когда он продолжил свои откровения: «В ту снежную ночь два года назад я опустился на колени перед твоим креслом и смотрел, как ты медленно умираешь. Я чувствовал, как удерживаемая в моей руке твоя рука постепенно холодеет. Тогда, еще не понимая своих чувств, мне удалось перенести боль потери мужа. Но теперь, если мне придется пройти через это снова...»

Кадык Гу Фучжоу резко дернулся, он произнес хриплым голосом: «Цинюй...»

«Страшно не потеря, страшно вернуть тебя и снова потерять. – Линь Цинюй посмотрел на свои руки и пробормотал: – Это слишком жестоко даже для меня».

Гу Фучжоу тихо сказал: «Мне очень жаль, Цинюй. Но на этот раз я точно сделаю все возможное, чтобы вернуться. Смотри, я даже напишу гарантийное письмо».

Линь Цинюй сказал ровным голосом: «Тогда ты тоже старался изо всех сил прожить дольше... И каков был результат? Перед смертью ты даже извинился передо мной. Извинился, сказав, что много работал, но не смог продержаться до того дня, когда умрет Сяо Чэн... Ты забыл все это?»

«Не забыл. Но в то время я был так болен, что было бесполезно стараться сделать что-то еще. Но теперь все по-другому. У меня здоровое тело, и при усердной работе я смогу творить чудеса. – Гу Фучжоу улыбнулся. – Кроме того, Цинюй, я еще даже не отправился на северо-запад. Слишком много думать о таких вещах к несчастью».

Линь Цинюй не удержался, спросив: «Ты действительно совсем не волнуешься?»

Гу Фучжоу ненадолго замолчал, ответив: «На самом деле, я немного напуган».

Линь Цинюй уставился на него.

«Я боюсь, что у меня ничего не получится и что люди, которые доверяют мне, могут умереть из-за моих неправильных решений. Я боюсь устать, боюсь боли. И я ненавижу проигрывать. Но еще больше, чем все это, я боюсь... – голос Гу Фучжоу резко оборвался. Слова уже почти слетели с его губ, но он в последний момент проглотил их обратно, перескочив на другое: – Вот почему такой человек, как я, никогда не сможет стать главным героем».

Линь Цинюй знал, что Гу Фучжоу использует старый прием, чтобы попытаться утешить его, пытаясь так разрядить атмосферу. Но Линь Цинюй не желал поддаваться его уговорам, спросив: «Почему ты так говоришь?»

«Потому что главный герой истории – либо самый сильный и может легко сокрушить своих противников, либо чистый сердцем человек, который несмотря на то, что знает, что впереди его ждет невыполнимая задача, тем не менее идет и делает это. А я, – Гу Фучжоу развел руками, – ни то, ни другое. Все это точно не про меня. Я лентяй и трус. Неудивительно, что переселившись в книгу, я стал всего лишь второстепенным персонажем».

«Ты ошибаешься. – ответил Линь Цинюй, – Лу Ваньчэн, Гу Фучжоу, может они и были второстепенными персонажами. Но когда явился ты, они стали главными героями».

В глазах Гу Фучжоу обозначилась улыбка. «У лекаря Линя тоже довольно хорошо получается. Но ты ошибаешься. Именно потому, что я на твоей стороне, купаясь в отблесках твоей великой красоты, сделал Лу Ваньчэна и Гу Фучжоу главными героями книги. Цинюй, ты все еще помнишь, кто такой главный герой?»

Линь Цинюй повторил то, что однажды сказал ему Гу Фучжоу, слово в слово: «Так называемый „главный герой“ – это тот, кто, независимо от того, скольких ударов сверкающих мечей он избежал, сколько яростных битв он прошел, сколько воняющих плотью ветров и кровавых дождей пережил, даже в тот момент, когда он выберется из грязи трясины, будет по-прежнему ослепительно сиять».

Гу Фучжоу звонко щелкнул пальцами и расслабленным тоном подытожил: «Все так. Сяо Чэн мертв. Мы заменили его в качестве главного героя. Теперь мы люди с ореолом главного героя, поэтому не умрем так легко».

Линь Цинюй был не согласен с этим его утверждением. На мгновение он замолчал, а затем внезапно посмотрел на Гу Фучжоу и произнес: «Сюй Цзюньюань».

Гу Фучжоу шутливо заметил: «Цинюй, дурачок, твой муж я, а не Сюй Цзюньюань».

Линь Цинюй нетерпеливо перебил его, что был так нехарактерно для обычно спокойного молодого мужчины: «Тогда именно Сюй Цзюньюань использовал твой гороскоп из восьми знаков, чтобы выяснить, суждено ли тебе умереть. Мы можем попросить его погадать еще раз, чтобы узнать, выйдешь ли ты победителем и сможешь ли благополучно вернуться в столицу».

Гу Фучжоу на это лишь коротко бросил: «О». Казалось, он считал бесполезным просить сейчас совета у Сюй Цзюньюаня, но, чтобы лишний раз не расстраивать Линь Цинюя, все же добавил: «В этом есть свой смысл».

Линь Цинюй тут же подхватил: «До ночи еще далеко. Я прикажу кому-нибудь приготовить повозку».

Гу Фучжоу улыбнулся, лукаво заметив: «Мы с тобой могущественные министры. Зачем тебе идти в храм Чаншэн, чтобы найти учителя нации? Пусть он придет сам. Позови Сюй Цзюньюаня во дворец, скажи, что его желает видеть сам император».

<http://bllate.org/book/15122/1336707>